

«Восхотел прийти Тот, Кому довольно было снизойти до нас»

**Запись заключения, сделанного Хулианом Карроном
во время духовных упражнений для священства,
организованных «Общением и освобождением»**

Паченго-дель-Гарда (Верона), 26 октября 2016 г.

Чем дальше, тем я все больше отдаю себе отчет в том, насколько верно утверждение отца Джуссани о значении обстоятельств. Если коротко, они играют главную, а не второстепенную роль в понимании природы христианства (*Cfr. L. Giussani. L'uomo e il suo destino. Genova: Marietti 1820, 1999. P. 63*).

Подобное отношение к обстоятельствам мы встречаем в людях, в полной мере осознающих происходящее. Кто-то из вас ранее процитировал знаменитый текст Йозефа Ратцингера, написанный в шестидесятые годы и посвященный феномену атеизма, который представлялся автору призывом для христиан сознательнее переживать веру: «Касательно современных язычников христианин должен знать, что их спасение сокрыто в благодати Божией, от которой зависит и его спасение; он должен знать, что возможность их спасения не освобождает от серьезности в отношении собственного существования в вере, и, кроме того, недостаток в них веры должен подталкивать христианина к более полновесной вере, поскольку христианин знает, что и на него возложена задача представлять Иисуса Христа, от Которого зависит спасение мира, а не одних только христиан» (*J. Ratzinger. I nuovi pagani e la Chiesa // Il nuovo popolo di Dio. Questioni ecclesiologicalhe. Brescia: Queriniana, 1992. P. 362*).

Годы спустя Ратцингер с предельной ясностью описал, к чему привело многовековое стремление использовать всеобщие ценности, принесенные христианством, для разрешения религиозных конфликтов, развязавшихся после Реформы, оторвав их от исторического факта, который позволил этим ценностям проявиться. На фоне усугублявшегося противостояния конфессий и нагрянувшего кризиса образа Бога, были предприняты попытки освободить сущностные нравственные ценности от противоречий, наделить их самостоятельной очевидностью, сделать их независимыми от распрей и неопределенности, порождаемых различными конфессиями и философскими течениями. Какое-то время казалось, что великие убеждения, по сути созданные христианством, способны устоять и сохранить свою неоспоримость. Однако, заключал Ратцингер, «поиск подобной обнадеживающей уверенности, могущей оставаться несомненной, невзирая ни на какие различия, потерпел крах» (*L'Europa di Benedetto nella crisi delle culture. Roma-Siena: LEV-Cantagalli, 2005. P. 61–62*).

Другой пронизательный наблюдатель Анри де Любак писал, что в разнообразных своих усилиях общество нового времени «нередко придерживается... многих ценностей христианского происхождения, но, поскольку оно отделило эти ценности от истока, ему не удалось сохранить их силу и изначальную целостность. Дух, разум, свобода, правда, братство, справедливость – все эти великие слова, без которых нет истинного человечества, нет настоящей человечности, понятия, о которых смутно догадывалось античное язычество и основы которых были заложены христианством, становятся чем-то ирреальным [поразительно: чем-то ирреальным!], как только в них перестают видеть отсвет славы Божией и они не получают более живительных соков, какими питала их вера в живого Бога». Ценности либо продолжают быть отсветом Бога, либо становятся чем-то ирреальным. Не думаю, что можно выразиться точнее: чем-то ирреальным. «Они превращаются в пустую форму, и очень скоро от них остается некий безжизненный идеал <...> [ведь] без Бога и сама правда – идол, и справедливость – идол. Идолы слишком чистые и слишком блеклые по сравнению со вновь восстающими идолами из плоти и крови, идеалы слишком отвлеченные в сравнении с великими

коллективными мифами, пробуждающими мощнейшие инстинкты» (Ср. А. де Любак. *Драма атеистического гуманизма*. Милан–Москва: Христианская Россия, 1997. С. 35–36).

Если мы хотим жить нашей верой сегодня, нельзя абстрагироваться от сознания, присущего этим внимательнейшим умам нашего времени.

Итак, в основании перемены эпохи, которую мы преодолеваем, лежит отделение наиболее истинных понятий, на протяжении веков характеризовавших нашу историю, от их истока. На это были направлены усилия просветителей, как мы говорили в первый день упражнений, цитируя Г. Э. Лессинга: «Случайные исторические истины [события] не могут служить доказательством необходимых истин разума» (*Sul cosiddetto «argomento dello spirito e della forza» // La religione dell'umanità*. Roma–Bari: Laterza, 1991. P. 68). Кант продолжил ту же линию: «Основанная только на фактах историческая вера может расширять свое влияние не далее, чем этого могут достигнуть по обстоятельствам времени и места известия, дающие возможность судить о ее достоверности» (И. Кант. Религия в пределах только разума // *Трактаты и письма*. М.: Наука, 1980. С. 172).

Как связаны приведенные замечания с нашими духовными упражнениями, с тем, что произошло между нами в эти дни? Прежде всего, мы могли бы пережить их дуалистическим образом, так что знание и вызовы истории располагались бы с одной стороны, а вера и христианская весть – с другой. В результате опыт духовных упражнений оказался бы «рядом» с вызовом, на который указывают Ратцингер, де Любак или папа Франциск, говорящий о перемене эпохи, и впоследствии важность пережитого нами и наше сознание были бы умалены. Давайте же попробуем взглянуть на случившееся.

Как уже говорилось, без опыта милосердия невозможно победить дуализм знания и веры. Вот почему первую проверку должны совершать мы сами. Что произошло между нами, что произошло в каждом из нас? Нам необходимо отдать себе отчет во всех факторах пережитого опыта, а иначе мы неизбежно умалим его и скажем: «Мы согласны с услышанным», – однако будем уверены: под напором определенного менталитета, перед лицом масштабных культурных вызовов описанный метод слишком слаб и тих, он хорош для духовных упражнений, но идти навстречу миру нужно с чем-то другим.

В связи с этим мне кажется крайне важной помощь отца Джуссани в понимании того, что проблема перемены эпохи требует от нас увидеть связь между принадлежностью и нашим самовыражением в культуре. Если мы не в полной мере улавливаем ее, то в конце концов начнем предлагать решения и прилагать усилия, доказавшие в прошлом полную свою безнадежность. Обратите внимание, речь идет о нашей повседневной жизни, ведь то, как мы переживаем наше священство, в глазах всех окружающих является определенным самовыражением, способом находиться в реальности. Будучи священниками, мы выражаем принадлежность, составляющую нашу жизнь, и восприятие веры, присущее нам. Перед лицом происходящего мы тоже можем повторять правильные фразы и пытаться предлагать другим «великие слова», о которых говорит де Любак, отрывая их при этом от истока, от того метода, каким Бог сообщил их людям. Мы тоже можем прибегать к методам, отличным от метода Тайны, к методам, превращающим для наших современников великие слова в «нечто ирреальное», в «пустые формы». Думаю, это самый серьезный вызов, брошенный Церкви, и он касается и нас с вами.

Из сказанного следует, что в первую очередь необходимо учитывать, какой опыт мы приобрели. Отправная точка – всегда в опыте. Что распахнуло наш разум и позволило нам использовать его сообразно? Благодаря чему в нас проявилась способность жить по-братски? Как соотносятся замечания о нынешней эпохе с пережитым в эти дни, духовные упражнения и наша свобода, наше желание истины и справедливости? Откуда возникают «великие слова», где их исток? Если мы не обнаружим связь, то принадлежность, в которую мы были погружены во время упражнений, не выйдет за рамки «благочестивого» деяния, более или менее личного, и не затронет нашу способность знать, то есть познавать реальность. В таком случае в нас окончательно образуется разрыв между знанием и верой.

История подтверждает, что даже самые прекрасные, самые великие, самые истинные, самые притягательные вещи без постоянного присутствия Того, Кто их порождает, становятся ирреальными, теряют свою очевидность. Мы перестаем их видеть, касаться их, и кажется, будто их и вовсе нет. О чем в связи с этим говорит нам фраза святого Бернарда, процитированная отцом Лепори во время упражнений? «Восхотел

прийти Тот, Кому довольно было снизойти до нас”. <...> Да, Богу довольно было бы просто помочь нам в нашей нищете, в нашей нужде. Он мог спасти все человечество одной лишь мыслью, одним лишь словом. Как вначале, когда Он сказал: “Да будет свет”, – и стал свет, так Он мог бы сказать: “Да явится спасение”, – и мы спаслись бы. Ему необязательно было входить во время, в историю, Им же сотворенную, необязательно было Творцу входить в творение и сопровождать его, необязательно было, чтобы Слово, которое могло осуществить все одним лишь словом, воплотилось, вочеловечилось, стало живым человеком – не только на тридцать три года, но и на все время Церкви, Его Тела, на все время, в каком разворачивается церковная, евхаристическая, апостольская история, на все время Его присутствия. Он захотел иначе и так и поступил. Он соделался “Фактом”, Он совершился, произошел как “Событие”» (M. G. Lepori. *Riconoscere Cristo, misericordia del Padre*. Книга готовится к публикации в итальянском издательстве «Itaca»).

«Восхотел прийти Тот, Кому довольно было снизойти до нас» (Святой Бернард Клервоский. *Третья проповедь в Навечерие Рождества Христова*). Этими словами святой Бернард донес до нас суть метода Божия, все его значение. Давайте не будем сводить их к благочестивому, набожному изречению, с которым, возможно, мы всем сердцем согласны (в чем никто не сомневается), но которому мы не позволяем бросить нам настоящий вызов. Как говорил отец Джуссани «для христианского откровения характерно совпадение содержания и метода» (L. Giussani. *Il metodo di una Presenza // Tracce*. N. 1. 2003. P. 108).

Обстоятельства жизни помогают нам осознать всю важность наблюдения святого Бернарда. Сегодня мы ясно понимаем, насколько нужен был (и в этом заключается отличие от мысли Лессинга) исторический факт, чтобы мы открыли для себя необходимые истины разума. Почему пришел Тот, Кому довольно было помочь нам, не входя при этом во время? Он пришел, поскольку по причине нашей смертной слабости наша человечность не в состоянии удержаться на высоте, ради которой она сотворена: наш разум помрачается, свобода коченеет, привязанность становится недвижимой. «Великие вещи, без коих невозможна подлинная человечность» (дух, разум, свобода, истина, братство, справедливость) становятся ирреальными, если не присутствует Тот, Кто возвращает им их сияние. Именно Христос позволяет открыть нам, что такое разум, ведь Он Своим присутствием распаивает его; именно Христос позволяет нам открыть, что такое свобода, ведь Он приводит ее к свершению, переполняя нас Своей притягательностью; именно Христос позволяет нам открыть, что такое общение и братство, ведь Он делает нас едиными в Нем. Вот почему доступ к этим «великим вещам» для человека возможен лишь в том случае, когда они, как напоминает нам де Любак, являются «отсветом Бога» в человечности Христа. И поэтому-то Он послал Своего Сына: желая по-настоящему помочь нам, Бог не удовольствовался ничем иным и восхотел стать событием человеческой жизни.

Господь позволил нам постичь все это в опыте, ради чего и решил прийти. Это, как говорил отец Лепори, ошеломляет нас: «С удивлением, с изумлением святой Бернард восклицает и, несомненно, повторяет самому себе непрестанно: “*Venire voluit, qui potuit subvenire*”. Он не достигает понимания, а смотрит на факт, на невероятное событие. Он восхищается “чудесным милосердием”, исполняется изумления перед лицом Божьего милосердия, являющего себя во Христе». Вера есть такое признание, полное изумления и готовности «ради нашего спасения впустить Христа в наш дом, в нашу жизнь, в жизнь дорогих нам людей, в жизнь мира. <...> Вера начинается, когда человек уступает этому изумлению и, подобно детям, при виде чего-то прекрасного широко раскрывает глаза и рот, расширяет ноздри, распаивает объятия, протягивает руки, инстинктивно стараясь впустить в себя, вместить в себя то, что его изумляет, тех, кто его изумляет, чтобы наполниться этим, чтобы в него вошла благая красота, изумляющая его» (M. G. Lepori. *Op. cit.*).

Итак, к чему же мы призваны? К тому, чтобы позволять Его взгляду, зовущему именно нас, всегда и прежде всего остального пронизывать нас. Так в Петре родилось признание Того, Кто первым его признал, Кто признал Петра и признает и нас с вами. «В признании Христа... неиссякаемым примером является опыт Петра, к которому в Движении мы часто возвращаемся и который постоянно углубляем. Петру тоже пришлось – в первую очередь ему – пережить основополагающий опыт, основополагающий для него и, следовательно, для всей Церкви, заключающийся в признании Того, Кто признавал его. Немногие святые, немногие ученики столько раз убеждались, что Иисус знает нас “прежде”, сколько убеждался в этом Петр» (M. G. Lepori. *Op. cit.*).

Если мы не погружаемся в описанный опыт, все становится абстрактным, ирреальным. И так, учитывая все сказанное о нашей эпохе, нужно спросить себя: мы, испытавшие на себе такой взгляд (кому из нас не довелось испытать его хоть на мгновение?), подчиняем ли разум опыту, осознаем ли невозможность сообщить Его другим людям каким-либо иным способом, кроме того, каким Он достиг нас, то есть кроме свидетельства, в котором мы видим отсвет Бога? Соработничать со Христом можно только в том случае, если мы позволяем Ему увлечь нас за Собой. Следование – не что иное, как разрешение увлечь себя, и именно поэтому альтернативой ему является диалектика: либо Иоанн, либо Иуда, один из «двух способов переживать следование за Христом, ученичество Христово. Иоанн переживает их согласно Христу, в полном соответствии со случившимся событием, Иуда же – согласно его собственному пониманию события, в соответствии с его собственным истолкованием Христа» (M. G. Lepori. *Op. cit.*).

Друзья мои, на карту поставлена вера, не больше, не меньше: не последствия, к которым мы можем прийти, а исток. Вот почему, отвечая на вопрос взаимоотношений принадлежности и выражения в культуре, отец Джуссани говорит о «да» Петра, бросая нам тем самым радикальный вызов: «Двадцать первая глава Евангелия от Иоанна – это завораживающий рассказ о возникновении в истории новой этики, новой нравственности. Частный случай, который в ней засвидетельствован, – краеугольный камень христианского представления о человеке, о его моральных принципах в отношениях с Богом, с жизнью, с миром» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 82). Нам необходимо уловить всю значимость его утверждения, иначе волей-неволей мы будем подходить к вере с позиции дуализма и, даже непрестанно твердя о «да» Петра, сообщать нравственность и культуру так, словно они рождаются от какого-то другого источника, а не от явления события в частном случае.

Подлинный вызов, стоящий перед нами, заключается в достижении следующего сознания: чтобы жить согласно христианскому миропониманию и передавать его, чтобы жить нравственностью и культурой и передавать их, мы должны непременно учитывать «отдельно взятую историю» и признавать ее в качестве метода, ведь без Присутствия, как утверждает отец Джуссани, размышляя о «да» Петра, без прирастания к Присутствию не существует нравственности и ценности не приживаются в нас, не входят в наше нутро и рано или поздно становятся «ирреальными». Если не повторяется встреча со Христом, раз за разом распахивающая мой взгляд, я смотрю так же, как и остальные, мои предрассудки не рассеиваются и мышление не меняется – оно ничем не отличается от общепринятого. Защищая ценности, о которых говорил де Любак, но отрывая их от исторического истока, мы тоже можем сделать их чем-то ирреальным, они «превратятся в пустую форму, и очень скоро от них останется некий безжизненный идеал... Идолы слишком чистые и слишком блеклые по сравнению со вновь восстающими идолами из плоти и крови, идеалы слишком отвлеченные в сравнении с великими коллективными мифами, пробуждающими мощнейшие инстинкты». Как мы убедились и на опыте этих дней, без присутствия Христа здесь и сейчас ни христианская антропология, ни христианская нравственность не проникают и не приживаются в нас. Необходимо лоно, необходимо место (Церковь, наша компания, частный случай), где Его присутствие, современное нам, становилось бы очевидным, познаваемым на опыте, и формировало бы наш разум, притягивало бы нашу свободу, воспитывало бы наш взгляд.

Таким образом, нам необходимо решить, соглашаемся ли мы с Его инициативой или нет, следуем или не следуем. Что предложил нам в эти дни отец Лепори? «Следование состоит как раз в том, чтобы позволить Христу, грядущему в мир, увлечь нас. Человек, которого изумляет, что Бог восхотел прийти, хотя Ему довольно было просто послать нам помощь, следует. Разве может он не следовать? Следовать за этим Присутствием, непрерывно, безвозмездно и безусловно грядущим в мир, идущим не просто помочь нам, а спасти нас?» И тут перед нами встает вопрос авторитета. Кто обладает авторитетом? Христос.

Авторитет – метод, каким Христос творит вещи. Авторитет – Сам Христос, открывший доступ к христианскому миропониманию определенным образом – через Воплощение. «Восхотел прийти Тот, Кому довольно было снизойти для нас». Насколько же важны эти слова! Но кто улавливает их смысл, кто понимает значение «да» Петра и воспринимает частный случай как краеугольный камень христианских представлений?

Следование за авторитетом подразумевает послушание методу, примененному Богом, тому же самому, который применяет и предлагает достигая нас харизма. Не надо думать, будто отец Джуссани наивен, когда говорит нам о «да» Петра, ведь он вступает в диалог именно с нынешней культурой. Прислушаемся к его словам: «Сегодняшняя культура считает невозможным познание и изменение самих себя и реальности “только” посредством следования за одним человеком [то есть считает невозможным христианство]. В нашу эпоху человек не рассматривается как инструмент познания и изменения, поскольку восприятие и того и другого урезано: первое [познание] понимают как аналитическую и теоретическую рефлексию, второе [изменение] – как соблюдение правил (L. Giussani. *Dalla fede il metodo // Tracce*. N. 1. 2009. P. III). Такова была позиция просветителей, такова проблема и сейчас, ведь, как мы видели, желание отстоять универсальные истины сами по себе привело к превращению их в нечто ирреальное. Подобные попытки провалились именно потому, что в человеке перестали видеть инструмент познания. По сей день разум по-просветительски связывают с одной лишь «аналитической и теоретической рефлексией», а потому, чтобы познавать, нам необязательно следовать за кем-то, нам не нужна живая и решающая встреча с другим – достаточно «аналитической и теоретической рефлексии». К тому же, для изменения достаточно соблюдения правил, изменение является результатом соблюдения правил. Такая позиция возможна и в рамках христианского контекста, мы тоже могли бы сказать: «Установлены определенные правила, и нам остается лишь следовать им и побуждать окружающих к их соблюдению. Нет нужды в чем-то еще!» Тревожно, когда подобные мысли продвигаются не просто за счет каких-то слов, а за счет слов христианских: с помощью одних и тех же средств, одних и тех же составляющих можно заварить совершенно другую кашу.

Из чего исходит отец Джуссани, чтобы разрешить проблему разума, познания и нравственности? «Иоанн же и Андрей, первые двое, столкнувшиеся с Иисусом, именно благодаря следованию за тем исключительным Человеком, научились иначе познавать и менять самих себя и реальность». Он не черпает ответы в философских словарях, в учебниках по морали или в каких-то сокровенных текстах: «Иоанн же и Андрей...» Он ищет ответ в опыте двух последовавших за Ним первых учеников, который описан в Евангелии, и не сводит этот опыт к одному лишь глубоко личному переживанию. «Иоанн и Андрей» – краеугольный камень Божьего метода – указывают на то, каким образом и мы можем познавать ровно так же, как это случилось для них. «Иоанн же и Андрей... именно благодаря следованию за тем исключительным Человеком научились иначе познавать и менять самих себя и реальность. С первого момента первой встречи метод стал развиваться во времени» (*Ibidem*. P. III, V).

Отец Джуссани настаивает: «Нашу компанию определяет метод. Можно утверждать, что “гениальность” нашего Движения целиком и полностью состоит в его методе [метод же нужно понимать не как свод правил и формулировок, обязательных для повторения, а как следование за тем способом, каким Он сообщает Себя с самой первой встречи]. Поэтому речь идет прежде всего о воспитательной “гениальности”, ведь метод – это путь, идя по которому человек [человек!] достигает сознания о предлагаемом ему опыте. Именно оберегая аутентичность метода, мы в состоянии сообщать содержание нашего опыта». Мы видим, как отец Джуссани подходит к позиции Лессинга и преодолевает ее, преодолевает показательный для современности взгляд, то есть разрыв между знанием и верой, и вновь утверждает метод Бога: «Оберегая аутентичность метода [применяемого Богом], мы в состоянии сообщать содержание [истину] нашего опыта». Нет иного пути, и мы должны решить, идти по нему или нет. Это крайне важно для нас, для Церкви и для мира. «Метод проистекает из веры, которая есть признание в собственной жизни исключительного присутствия, касающегося судьбы. Вера [действительно] стремится охватить весь горизонт жизни через отношение с присутствием, соответствующим сердцу» (*Ibidem*. P. II). Вот в чем эпохальное значение слов святого Бернарда. «Если мы не откроемся этому опыту, то разговоры о милосердии... прощение врагов, отдавание жизни ради других – все станет абстрактным, все скатится в морализм и идеологию» (M.G. Lepori. *Op. cit.*).

Итак, мы должны решить, следовать ли за этим методом, подчиняться ли опыту, подобно Иоанну и Андрею. Они пошли за Ним, поскольку покорились опыту, который переживали. После встречи с Ним у них отпала необходимость искать где-то еще культуру и нравственность, черпать извне их опыта критерии, позволявшие принимать вызовы реальности и судить о них. В общем, им не нужно было отдаляться от отношения с Ним, от Его исторического присутствия, чтобы познавать истину и быть нравственными. Все содержалось в том отношении: ученики не отделяли пережитый с Ним опыт от суждения, не отрывали частный случай, то есть

встречу с Ним, от проявления истины, поскольку опыт несет в себе суждение, иначе это и не опыт вовсе, а лишь чистое «пробование», не подвергшееся суждению и бесполезное для познания.

Опыт «несет в себе свои обоснования», – говорил Джуссани (*Vivendo nella carne*. Milano: Bur, 1998. P. 211). «Вызов обществу может бросить лишь опыт, у которого на титульном листе написаны его обоснования» (L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza*. 1975–1978. Milano: Bur, 2006. P. 295). Но именно это с большим трудом «входит» в нас, что подтверждает повторное возникновение проблем, уже имевших место в прошлом. Для отца Джуссани начиная с середины шестидесятых годов было предельно ясно, что даже в рамках принадлежности Движению могут развиваться два способа жить верой, отражающиеся на уровне культуры: «Те, кто впоследствии покинул “Студенческую молодежь” делали упор на таком понимании христианства, согласно которому оно на деле рассматривалось как форма нравственного долга и общественного вовлечения. Поступая подобным образом, они теряли из вида особую природу христианского факта и в конечном итоге неизбежно полагали свои надежды на человеческие действия и способность к организации, а не на безвозмездное действие Бога, с помощью которого Он пожелал войти в историю» (L. Giussani. *Il movimento di Comunione e Liberazione*. 1954–1986. *Conversazioni con Robi Ronza*. Milano: Bur, 2014. P. 62).

В каждую эпоху повторяется та же самая драма – с начала времен и по сей день. Нет никакой разницы. «Иоанн же и Андрей...» Это фраза Джуссани всегда будет сопровождать нас. «Иоанн же и Андрей, первые двое, столкнувшиеся с Иисусом, именно благодаря следованию за тем исключительным Человеком, научились иначе познавать и менять самих себя и реальность!» Вот какая благодать нам дарована: опыт, позволяющий уяснить всю важность Божьего метода, его помощь в преодолении обмана нового времени, создавшего атмосферу, в которой мы живем и из-за которой даже самое святое стало ирреальным; опыт, не дающий нам заблуждаться и думать, будто мы в состоянии восполнить недостаток реальности посредством того же метода, что и породил проблему и превратил «великие слова», принесенные Христом в нечто ирреальное.

Поможем друг другу разобраться в этом, чтобы и нам не стать частью проблемы. Такое возможно, и причина тому – не наши дурные намерения, просто мы до конца не осознаем, что поставлено на карту. Подумайте, какая на нас лежит ответственность за задачу, вверенную нам в нашем служении! Мы можем переживать его иначе (не меняя условий и не предпринимая особых усилий), если просто станем исполнять каждодневные обязанности, исходя из проникшей в нас новизны, то есть имея содержанием нашего сознания Его присутствие в настоящем. Таким образом поступал Сам Иисус: «Человека Иисуса из Назарета, облеченного тайной Слова и обладающего природой Бога (хотя по виду Он ничем не отличался от других людей), этого Человека не видели совершающим никакое действие так, чтобы форма этого действия не являла бы Его сознание об Отце» (L. Giussani. *Un uomo nuovo // Tracce*. N.3. 1999. P. VII, IX). Форма Его свидетельства говорила о Его образующем отношении с Отцом. «Откровение тайны Слова, открывающее нам тайну человека, дается нам Иисусом только в силу того, что Он “в лоне Отчем”», – напомнил нам отец Лепори.

Лишь вновь и вновь вживаясь в тайну Христа присутствующего, мы сможем ответить на нужды наших братьев: «Свидетельство и миссия суть любовь к человеческому пути, к единству стада Божия, к возрастанию наших братьев и сестер, ко всему человечеству, которая возможна только в том случае, если мы со всей нашей жадной любви остаемся соединенными с жадной любви Христа и следуем за Присутствием, взирающим на нас, говорящим с нами и любящим нас» (M.G. Lepori. *Op. cit.*)